

**Вступительное рассуждение
о подлинном свойстве философии и необходимости оной,
каковое для публичной защиты и получения степени доктора
философии в Императорском университете, в Харькове
процветавшем, составил Густав Адольф Гесс де Кальве.
Харьков, в Университетской типографии, 1812.**

**О ПОДЛИННОМ СВОЙСТВЕ ФИЛОСОФИИ
И НЕОБХОДИМОСТИ ОНОЙ**

§ 1. Философия ничем иным быть не может, кроме как наукой, коей мироздание, являющееся как синтез объективности и субъективности вообще, приводится к совершенной (*absoluta*) гармонии и в оной рассматривается.

Поскольку же никто из смертных не может снести полной противоречивости, то всякий уже от природы склонен к философии. Разум абсолютно требует, дабы мироздание (открыто являющее форму совершенного несоответствия, коей неизбежно ужасается разум) в себе было другим, чем оно выставляет себя видимым для рефлексии*.

§ 2. Поскольку человек не может никоим образом пребывать в мире явлений, каковой содержит в себе совершенное противоречие, то неким велением разума побуждается утвердить нечто в собственном смысле абсолютное, всем явлениям подлежащее как основание и приводящее оные к гармонии. Объективность и субъективность, или мир материальный и духовный в сфере рефлексии, неизбежно представляется человеку в виде абсолютной двойственности, то есть противоречия.

Ведь то, что находится в совершенной противоположности, необходимо себе противоречит. А то, что себе противоречит, невозможно. Поелику же мир материальный и духовный пребывают в совершенной противоположности, а через это взаимно друг друга устраняют, то посему приводят к невозможности и самое существование мироздания— то есть, как оно видится рефлексии. А что мир материальный и духовный являются в совершенной противоположности, явствует из нижеследующего: в мире материальном не случается ни малейшего следа мышления, а в уме не встречается ничего, что подобно материи. Через это представляется, что всякий мир следует собственным законам, каковые суть взаимопротивоположны.

Ум учреждает моральный закон как верховную идею, с коей все должно соотносываться. Но мир материальный не внимает сему исполненному величия гласу и производит явления такого рода, каковые представляются противными высшей цели человека.

* В данном случае «рефлексия» — термин, означающий рассудочный способ познания.

Человек через послушание моральному закону ничего иного достигнуть не может, кроме как узреть себя самого в состоянии гармонии, то есть, насколько хватает совести, творить то, что приказывает закон разума. Но мир внешний столь мало сообразуется с сим законом, что скорее наистарательнейшее соблюдение закона морального нередко бывает причиной тому, что внешний оного статус с внутренним, то есть с заслугою, бывает в величайшем разногласии. Так, к примеру, моральный закон, наличествующий в душе какого ни возьми человека, и глас коего никогда невозможно совершенно подавить, выражает абсолютную свободу человека, в коей заключается все достоинство оного. Напротив того, всякое явление внешнего мира показывает абсолютную необходимость. Однако ж абсолютная свобода и абсолютная необходимость, насколько оные постигаются рефлексией, суть в совершенной противоположности.

§ 3. Но ежели свобода и необходимость совершенно взаимоположны, так что невозможно сыскать, как привести оные к гармонии, то отсюда необходимо следует, что *человек есть существо самопротиворечивое*. Согласно закону разума надлежит, чтобы внешний статус человека вполне согласован был с внутренним статусом оного. Однако ж человек, рассмотренный согласно своей теоретической и практической способности, представляет только неполное существование; и при том лишь условия существования его может обрести полноту, ежели природа объективная с субъективной в совершенной будет гармонии. Но ежели свобода и необходимость пребывают в совершенной противоположности, то через это следует, что гармонию, каковую требует разум между внешним и внутренним статусом человека, не только никак невозможно постигнуть, но она даже и вовсе абсолютно невозможна.

В таком случае, стало быть, человек есть существо, непрестанно себе самому противоречащее. Даже самое возникновение человека невозможно, согласно оному предположению. Ведь никоим образом невозможно отрицать, что человек непосредственно происходит из лона природы, лишенной сознания, каковая посему определяется чистой необходимостью. Но раз недостаток сознания и свободы совершенно противоположен сознанию и свободе, то ясно, что само реальное существование противоречит возможности. Ибо совершенно невозможно, чтоб из какой-нибудь вещи произошло то, что оной абсолютно противоположно. Ведь все, что происходит, должно по меньшей мере содержаться в чем-то ином, в связанном виде (непротиворечиво).

§ 4. Человек — хотя бы даже он пока еще не представляет себе сие противоречие отчетливо — во всяком случае чувствует оное. И поелику снести оное никоим образом не может, тщится разрешить сие противоречие каким-либо образом. Однако ж первые приступы, кои совершаются ради этой цели, суть тем

же образом противоречия, как и внешние явления, каковые должны быть приведенными к гармонии. Одна философия, коя в собственном смысле наиболее заслуживает сего имени, может перевести являющееся в дисгармонии к совершенной гармонии.

Как скоро человек начал философствовать, то должен был сознать противоречия, кои в мире материальном и духовном наличествуют,—ибо философия никоей иной цели себе не полагает, кроме как уладить противоречие меж миром материальным и духовным, представляемое рефлексией.

§ 5. У человека, находящегося на низшем уровне умственной культуры, место философского разума занимает *откровенная религия*. Однако ж всякая положительная религия есть уступ приступ к философствованию; ибо не может человек снести вида того, что совершенно конечно и другому такому конечному противоположно. А уж мир материальный и духовный, насколько зримы в совершенной противоположности, обладают свойством конечного: ибо нечто, так сопоставляемое, что к оному другое нечто состоит в совершенной противоположности,—ограниченно, потому что не обнимает всего, но ограничивается сферой, себе противоположной. Да и ежели мы представим себе оба мира в бесконечном протяжении, все едино, ни один из сферы ограничения выйти не может. Мир материальный, как таковой, никогда в мир субъективный, или духовный, перейти не может, и наоборот—так, чтобы из совершенного двойства получилось совершенное единство. Состоя в вечном противоборстве, оба занимают различные сферы бытия, так что бытие мира материального никогда в бытие мира духовного обратиться не может, и наоборот. Стало быть, между обоими мирами наличествует взаимное ограничение, чему бесконечное протяжение не противно. Однако человек никоим образом не может помыслить ограниченного без абсолюта. Поскольку, стало быть, свойство мира материального и духовного состоит в бесконечном, равно как и в пределе, то отсюда явствует, что абсолюта ни объективным чем, ни субъективным, ни тем и другим вместе, синтетически соединенным, быть не может.

Абсолютное существо (*ens absolutum*) есть, стало быть, принцип всего того, что предстает взору в форме субъективности либо объективности; посему существует абсолютное единство, коим абсолютное двойство в мире материальном и духовном, выступающее через рефлексию, приводится к гармонии. Всякая же положительная религия есть некий вид философии,—поскольку человек не может полагаться на вещи зримые, кои образуют миры материальный и духовный, но допускает нечто совершенно незримое, через что все зримые вещи обретают зримость. Пусть, однако, все положительные религии (поселику взаимно друг другу противоречат) и не могут быть истинными, все-таки все сходятся в одной и абсолютной исти-

не: что *идея абсолютного существа обладает реальностью*. Стало быть, все положительные религии подразумевают уже реальность абсолютного существа. И ведь никакое откровение невозможно помыслить, от существа абсолютного совершенное, ежели не утверждается оно последнее истинное существование.

Однако лишь для одной философии возможно то, что полагает позитивная религия, то есть реальность абсолютного существа доказать несомненными аргументами. Отсюда явствует, насколько философия, почерпнутая из чистейшего источника разума, благодетельностью превосходит позитивную религию. Настолько же, следовательно, невозможно, чтобы здравая философия противоположна была позитивной религии, каковую она скорее укрепляет.

§ 6. Все, каковые помыслить возможно, *пробы философствования* (philosophandi tentamina) наличествуют в области рефлексии. Однако ж сих проб философствования помыслить возможно только три.

Предмет философии есть само мироздание. Однако ж все мироздание состоит в объективности и субъективности. Философии надлежит рассмотреть, каковым образом мир объективный и субъективный могут быть едины, причем признается, что синтез мира объективного и субъективного либо возможно объяснить, либо же невозможно. В области рефлексии третье невозможно. Ежели признается, что синтез сей объяснить невозможно, тогда она проба философствования будет *эмпиризм логический*; ежели, напротив того, признается противное, то имеет место *эмпиризм в метафизической форме*, разделяющийся на *реализм и идеализм*, — насколько оба сии мыслятся в совершенной противоположности.

Эмпиризм метафизический занимает высшую ступень, нежели логический, хотя бы сей так же себе противоречил, как и оный. Отсюда эмпиризм метафизический может быть поименован эмпиризмом *второй степени*. Эмпиризм первой степени признает, что синтез объективности и субъективности, через что последний есть то, что, по словам нашим, есть абсолют. Согласно сией системе, стало быть, сам Бог есть зримый мир. Поелику же частные и отдельные синтезы, то есть определенный опыт, коренятся в сем универсальном синтезе, то из одного и должны быть объясняемы.

§ 7. Реализм же и идеализм от эмпиризма низшего порядка тем себя отличают, что каждая из оных систем признает: синтез объективности и субъективности, в целом взятый, должен быть объясним.

Все сии системы в том согласны, что, как несомненно существует синтез объективности и субъективности, столь же равным образом несомненной долженствует быть и возможность одного. Эмпиризм логический признает, что синтез сей, —

пускать члены оно́го и представляются в совершенной противоположности,— абсолютно, однако ж, возможен и что, таковым образом, никакой более другой принцип не надобен для укрепления оно́го. Поелику же ничто быть не может, что не имело бы форму либо объективности, либо субъективности, отсюда следует, что каковой бы ни утверждался принцип,— оный либо к сфере объективности, либо субъективности принадлежать должен: через что сгодиться не может для установления синтеза обоих. Но эмпиризм второй степени признает, что данный синтез через нечто, что есть выше, объяснять и обосновывать надлежит, потому что, что бы ни существовало в природе вещей — оное только и может быть помыслено как нечто гипотетически реальное и возможное.

Через это отыскивается нечто абсолютно реальное и возможное, что долженствует быть помещенным превыше сферы гипотетических существ. В сей системе, стало быть, то, что есть *абсолютно* реально и возможно, рассматривается как нечто *предшествующее*, или как *причина*, а то, напротив, что есть *гипотетически* реально или возможно, представляется как нечто *последующее*, или как *результат*.

Отсюда следует, что в реализме материя определяется как причина ума, в идеализме, напротив того, ум как причина материи и всех материальных субстанций. Однако ж и то и другое ложно. Ведь ежели надобно объяснить мир, в целом взятый, то оный так объяснить следует, чтобы сохранить неповрежденными самаважнейшие явления. Однако ж в обеих системах одно из наиважнейших явлений устраняется. Ибо реализм признает, что материя есть *единственная субстанция* мироздания, притом так, что ум не что иное есть, как измененная материя. Сим, однако, основанием противу всякого опыта отрицается реальность всего мира духовного,— хотя бы вся система материализма покоится на рефлексии (коей одной прилежит опыт), столь же удостоверяющей существование духовных субстанций, сколь и субстанций материальных.

Напротив того, в системе идеализма признается, что единственная субстанция мироздания есть дух, через что материя не сама по себе существует, но есть результат мышления. Истинная философия так должна быть составлена, дабы ясно показать, каковым образом мироздание, кое согласно рефлексии представляется в совершенной противоположности, в себе едино и, однако ж, наиважнейшие явления пребывают в своей неповрежденности.

Набор тех принципов, кои все приводят к заблуждению, правильно можно наименовать философией рефлексии: ведь располагаются оные единственно в области рефлектирующего рассудка, каковой или целиком, или же отчасти привязан к тому, что дается или проявляется в опыте.

В реализме или идеализме имеет уже место некоторая дея-

тельность более высокого ума со свободой, хотя здесь универсальный синтез (как оный разъяснен) не допускается, но так изменяется, насколько полагается некий принцип, коим выражается один из сих наиважнейших феноменов, дабы установить абсолютную двойственность.

Ведь принцип реализма есть материя, из коей происходит дух. Что до принципа идеализма, то оный есть дух как причина материи, и, стало быть, в обеих системах полагается некое единство, коим устраняется противоположность. Но принцип, каковой полагается, всегда есть нечто выражаемое через опыт — то есть, либо объективность, либо субъективность. Когда же то, что подлежит объяснению, есть сама объективность или субъективность в целом взятая, отсюда следует, что надобно утвердить некий принцип, высший всякой объективности или субъективности, дабы объяснение было истинно философским. Явление, подлежащее объяснению, никогда принципом того же самого явления быть не может.

В реализме принципом мироздания выставляется чистая объективность, в идеализме же — чистая субъективность.

Эмпиризм логический никакого не требует единства, кроме формального, каковое состоит в родовом понятии мира, в целом взятого. Ибо мир, в целом взятый, есть сама абсолютная двойственность, потому что является сочетанием существ материальных и духовных. Однако ж абсолютная двойственность есть противоречие; стало быть, эмпиризм логический философию начинает с противоречия. Эмпиризм же метафизический, каковой либо в реализме состоит, либо в идеализме, домогается единства искусственно, ибо реально произвесть оное не может, и домогается абсолютного единства, хотя достичь оного по сути своей не может. Обе сии пробы философствования ближе к истинной философии подходят, нежели эмпиризм логический. Но поколику в рвении своем к абсолютному единству двойственности избечь не могут, так же мало имени философии заслуживают, как и эмпиризм логический.

§ 9. Из сего выше сказанного явствует, что в области рефлексии — поелику в ней не что иное господствует, как противоречие, — любая система посредством новой и высшей рефлексии низводится к ничтожеству. Какая угодно рефлексия о рефлексии, в сей области устрояемой, систему разрушает.

Через критическую философию рефлексии в особенности и выступает необходимость в философствовании в собственном смысле, каковая, хотя и не есть еще собственно философия, все-таки есть ближайшее и совершенно необходимое всякой философии условие. Только познание противоречия, заключенного во всех принципах рефлексии, человека к более возвышенным идеям побудить может. От неизбежного начала перешел человек к догматической философии рефлексии, и прежде всего к общему эмпиризму, а потом, как только познал противо-

речие, в оном наличествующее, через новую рефлексию, восше-
ствовал к высшему эмпиризму, каковой на *реализм* и *идеализм*
разделяется. После же того, как прошел и сии провинции за-
блуждения и познал все в оных наличные противоречия, тогда
только и начал универсальную способность познания, на реф-
лексии покоящуюся, каковую расчленил на дальнейшие части
и как бы элементы, подвергать тщательной проверке, откуда и
по каковой причине и возникает *критическая философия* рефлексии.
Философия кантовская не что иное есть, как кри-
тическая философия рефлексии, и тем паче заслужила досто-
инство одной и единственно возможной философии, насколько,
разыскавши все заблуждения, кои злодействуют в принципах
рефлексии, дорогу открыла к истинной философии. Никакая
другая дорога к истине в философии помыслена отнюдь быть
не может, кроме ясного познания противоречия, кое занимает
всю способность рефлексии и оной соответствующее мирозда-
ние. Кто однажды дойдет до сей ступени познания, тотчас
узрит, что нет иного средства, каковым противоречивый рас-
судок и мироздание, согласно форме одного представленное, к
гармонии приведены быть могут, кроме изначального сополо-
жения оных к некоему целому абсолюту. Сие при том только
может случиться условию, что разум зреть себя будет не в пре-
вратной тени, то есть, не в чистой способности *рефлексии*, но
в изначальном своем свойстве как в абсолютной способности
производить, каковая ни от какого опыта не зависит, и будет
себя постигать так отчетливым размышлением, как сам в себе
есть, так, то есть, чтобы представленное или данное не-
что сам разум через абсолютную свободу выставлял для соз-
ерцания и рефлексии. Так называемые *антиномии* разума, кои
Кант выставил и кои проистекают из анализа способности поз-
нания, насколько она покоится на рефлексии,— суть самые
высокоценные заключения всей критики. Противоречия теоре-
тического разума как рефлектирующей способности представ-
лены здесь с очевидностью, покоящейся на самом наглядном
доказательстве. Ибо критицизм, в области рефлексии находя-
щийся, каков есть критицизм кантовский, не проникает вплоть
до познания причины, из каковой сии противоречия проистека-
ют, но только лишь через анализ способности познания отыс-
кивает как бы явление,— что именно рефлектирующий рассу-
док и рефлектируемое мироздание себе противоречат,— без
того, чтобы когда-нибудь на сем уровне познания возможно
было знать, на *каковом основании* таковое противоречие может
быть примирено. Сие познание только лишь отрицательно, то-
есть познается, что мироздание, как синтез объективности и
субъективности вообще, никоим образом в себе так пребывать
не может, как выставляет себя рефлектирующему рассудку, ибо
обнаруживается пребывающим в абсолютном противоречии.
Теперь уже имеется вопрос: *каковым образом* надлежит по-

мышлять мироздание, дабы оно являлось в совершенной гармонии и по существу было гармоническим. Единственный ответ на сей вопрос и прочное оно разрешение, так, чтобы разуму должно было совершенно успокоиться,— есть собственно философия. Напротив того, эмпирическое познание противоречий, наличествующих во всех принципах рефлектирующего рассудка, есть лишь *условие*, без коего к познанию философии прийти никак невозможно.

§ 10. Абсолютная необходимость философствования тогда только имеет место, когда отчетливо познается, что в сфере рефлексии ничего нет, кроме противоречия. Сия необходимость в некоторых выдающихся умах внезапно возникает, и в сем случае от воли человека отнюдь не зависит, хочет ли оный стать философом, или же нет. Ибо человек никакое противоречие, каковое отчетливо сознает, снести не может. Как скоро, стало быть, узревает, что мироздание (насколько оно выставляет себя для рефлектирующего рассудка), находится в абсолютном противоречии, тогда побуждается известной необходимостью к нахождению пути, единственно возможного, коим достигается положительное познание того, что есть абсолютно истинное. Мироздание, как оно открывается рефлексии, есть само объективное противоречие. Таковое мироздание ни *быть*, ни *помыслено быть* не может. Ибо что *идеально* себе противоречит, себе также и *реально* противоречит, и наоборот.

Стало быть, желание философствовать и необходимость оно в человеке иным путем возбудить невозможно, кроме тщательного обращения к противоречию, наличствующему во всех принципах рефлексии. Покуда сие противоречие не ясно еще сознается, никого также не может быть желания философии, а еще менее — способности к оной.

Общий метод, коим пользуются те, кто преподает философию, т. е. изучение оной с определением начала и утверждением от сего начала всей системы, совершенно противен намеренной цели. Согласно сему методу изучение философии делается только упражнением памяти, при коем из запаса, наполняемого кладовой памяти и лишенного всякой жизни и духа, ничто не может перейти в живое познание.

Отсюда выходит избильное число философов без философии. По праву утверждается, что всякому, кто посвящает себя наукам, изучение философии совершенно необходимо. Без философии в любой области, отведенной для частной дисциплины, приходится блуждать в потемках, притом так, что никогда не можем добиться прочного знания, к коему стремимся. Ведь что иное есть всякая частная дисциплина, нежели построение некоего определенного синтеза, постоянно заключенного в некотором виде объективности и субъективности?

Доколе неизвестно, коим образом вообще строится синтез объективности и субъективности, дабы можно было мыс-

литель, дотоле также никоим образом познать невозможно, каковым путем следует приводить к гармонии некоторый частный вид объективности и субъективности.

Все, что только ни существует, следует рассматривать как некий частный вид объективности и субъективности, реальный синтез коего открывается в опыте. Однако все, доставляемое нам опытом, можно изложить научно и довести до объекта частной дисциплины.

Проблема всякой отдельной науки в том состоит, чтобы определить, как возможно помыслить некий определенный синтез объективности и субъективности. Очевидно, что доколе человек со вниманием не обратится к противоречию, заключенному как абсолютная двойственность, в форме объективности и субъективности вообще, дотоле он никак к философии не способен; равно очевидно, что при допущении возможности такого синтеза весь способ философствования у него ничем иным быть не может, кроме как анализом того, что само в себе совершенно невозможно. Есть различные анализы сего метода, кои можно полностью определить. Но всяк из них противен разуму. К сему методу принадлежат и системы философии, повсюду создаваемые. До тех пор, покамест присовокупляется совершенная двойственность мира материального и духовного, нельзя устранить заблуждение из философии. Сия изначальная ошибка переходит затем во все прочие дисциплины, объекты коих суть не что иное, как частным образом определенные синтезы объективности и субъективности — чтобы при том было показано, коим образом оные возможны.

Как проблема философии в том состоит, дабы посредством некоторой идеи, познаваемой однако же в виде совершенной реальности, воздвигнуть новый мир, стало быть, создать оный идеально, — так всякий, желающий произвести некоторую частную науку как таковую, должен устранить обыкновенную реальность, служащую объектом оной частной науки, и возвести в сей частной сфере новый мир. Во всякой вещи, как она является рефлексии, заключено то же противоречие, что и в общем представлении объективности и субъективности. Сие противоречие во всяком роде познания имеет свои особенные свойства, а посему и разрешено быть может только особым образом. Но разрешить оное нельзя иначе, нежели с помощью идеи, произведенной посредством абсолютной силы ума, стало быть, словно сотворенной, через которую сфера частного бытия, являющаяся в форме несообразия, приводится к гармонии, чем обнаруживается как бы истинная реальность. То, что существует частным образом, по субстанции своей есть одно и то же со всеобщим. Ежели, стало быть, противоречие, наличествующее согласно форме рефлексии в представлении объективности и субъективности вообще, не приводится к гармонии, то не может быть разрешено ни в коей сфере частного бытия, опреде-

ляемого как объект частной науки. Опять же, неперенное условие к разрешению сего первичного противоречия, вновь происходящего на свет в различных сферах частного бытия, хотя и в различных формах и свойствах,— есть ясное познание сего противоречия. Сие познание доставляет критическая философия рефлексии. Всяк, стало быть, кто желает стать приуготовленным для собственно изучения так называемой философии и для научного духа, долженствующего господствовать во всех дисциплинах, тот обязан направить свое внимание и свою рефлексию прежде всего на это первичное и совершенно всеобщее противоречие, так, чтобы познать оное с наивозможной фактической достоверностью.

§ 11. Весьма важно представлять себе существенные свойства тех первичных способов постижения мира, кои единственно возможны в области рефлексии. Ибо посредством оных заблуждение и проникает все пути, коими только можно следовать, и может быть устранено. Полное познание ошибочных попыток есть отрицательный путь к истине, то есть оным познается, что все пути, коими можно следовать согласно формам рефлексии, *не* ведут к истине, так как начало, середина и конец оных помечены явным противоречием; сим также познается, что для обретения истины надлежит изыскать новый, оным совершенно противоположный путь, притом так, дабы через познание, доставляемое новым путем все сии способы рассмотрения мира, кои имеют место в рефлексии, не только изыскивались бы как противоречивые и не только познавались бы как совершенное ничто, но дабы зрима была суть упомянутых противоречий и оные из состояния дисгармонии привелись бы к гармонии.

Ежели те способы представления мира, кои свойственны рассудку, себе противоположны, следственно, и мироздание, оными определяемое, себе противоречит. Такое однако ж мироздание, кое согласно всем возможным формам рассудка обретается как противоречивое, уничтожается единственно возможной идеей разума, но из сего уничтожения в тот же момент времени рождается мироздание совершенно новое и во всех частях гармоничное, при виде коего только и может успокоиться ум. Противоречивое мироздание как таковое есть ничто.

Критическая философия рефлексии, хотя и познает оное ничто, однако ж устранить не может. Посему знание, кое существует о мироздании, пребывает всегда *отрицательным*. Но собственно философия сие ничто не только познает, но и устраняет. Уничтожить ничто есть именно извлечь на свет истинную реальность. Непосвященный в некое искусство, например, в искусство музыки, когда слушает некое произведение, дисгармонически сочиненное, познает, однако, побуждаемый чувством прекрасного, что так сочинять *не* следовало, хотя и не знает, как именно следовало; напротив того, музыкант, от начал

искушенный в сем искусстве и наделенный как бы некоей творческой силой, через то, что воспринимает неблагозвучие и эмпирически познает оное, имеет вместе с тем представление и о сути оною, а будучи снабжен сим познанием, одновременно про себя сочиняет правильную гармонию. Отсюда акт познания не состоит в *чистой рефлексии*, но в *некоем идеальном творчестве*: что воспринимается рефлексией — это сама дисгармония; но дабы произвести из нее гармонию, надобна абсолютная сила ума, прибавляющаяся к творческой силе.

Кант посредством выставленных оным *антиномий разума* представил открытое рефлексии мироздание во всем оною неблагозвучии. И по сей именно причине у него большие заслуги перед философией, ибо он возбудил превосходнейшие умы к разысканию истинной гармонии. Когда, однако ж, он утверждал, что ключ к наилучшему разрешению сего неблагозвучия *теоретически* разыскать никак невозможно, то сделал оное абсолютным: ведь что противоречит себе *теоретически*, то неизбежно противоречит себе и *практически*, — ежели только мы не хотим привести разум в его теоретической и практической функции к совершенному противоречию с самим собою. Как только, стало быть, примем мы то, что утверждал Кант, неблагозвучие нельзя разрешить никаким способом. Ежели, однако, дело так обстоит, то для способности познания не остается ничего иного, кроме абсолютного ничто, то есть, противоречия. Вот основной порок, коим страдает критика Кантова; ведь ежели даже в том положении, кое занимает ум, не имеет он положительного знания абсолюта и иметь не может, то все равно не должен был отрицать абсолютной возможности оною.

§ 12. Стало быть, при познании всех ошибочных путей, кои в сфере рефлексии помышлены быть могут, и при усмотрении существенного свойства оной, состоящего в совершенной двойственности, ничто иное не может иметь места, кроме только отрицательного познания того, что в себе есть реально и истинно. Что мироздание, как оно выставляет себя зримым рефлексии согласно всем формам рассудка, не может никоим образом так существовать, всякому снабженному сим познанием само собою ясно. Но сие отрицательное познание имеет большую важность и совершенно необходимо для философствования; ведь вместе с отрицательным познанием одновременно дается необходимость познания положительного, коему удовлетворить и можно и нужно.

Человек, однажды пришедший к ясному познанию противоречия, в коем мироздание согласно всем формам рассудка представляется рефлексии, не раньше может успокоиться, чем когда через абсолютную продуктивность ума измыслит идею, коей порождается совершенно новое и целиком созвучное мироздание. Только сему *абсолютно идеальному* мирозданию

можно приписать *абсолютную реальность*. Явственно, что для построения совершенно гармоничного мироздания потребен абсолютный акт познания, весьма отличный от рефлексии как акта больше пассивного и притом так составленный, дабы очевиднейше мог познаваться как находящийся в совершенной гармонии с самой абсолютной реальностью. Такое мироздание есть царство небесное, коего человек взysкует всем рвением ума и кое из себя *не выходит*.

Согласно формам рефлексии полагаем мы совершенно гармоничное мироздание как нечто внешнее: отсюда чувство горячего пожелания, коим достигается, что созерцанием обыкновенной реальности, то есть самого себе противоречащего мироздания, никак удовлетвориться мы не можем, почему больше живем *надеждою*, нежели *реальностью*. Одной только философии в собственном смысле возможно произвести то, чтобы полагаемое только согласно рассудку перешло в абсолютное знание, желание — в само обладание благом и, наконец, внешнее — в совершенно внутреннее. Силой философии противоречие совершенно устраняется, а посему и само мироздание, явленное рефлексии, насколько оно есть противоречие, объективно рассмотренное. Однако мироздание тогда только противоречиво, когда определяется дискурсивным рассудком, полностью зависимым от рефлексии. Напротив, посредством рассудка *интуитивного*, покоящегося на разуме, оно приводится к совершенной гармонии. Один только *интуитивный* рассудок вместе с тем *рационален*.

§ 13. Противоборство между *положительным* и *отрицательным* познанием истины до чрезвычайности важно и тем большего заслуживает внимания, что в наш век по большей части находится в пренебрежении. По крайней вере, вся школа кантианская полагает природу философии в чисто отрицательном познании того, что в себе есть реально и истинно. Сия философия есть не что иное, как критическая проверка тех форм познания, кои имеют место в сфере рефлексии. В силу опыта, на одной рефлексии покоящегося, познается, что подобные формы мышления то, что в себе есть реально и истинно, выразить не могут. Из сего рода чисто отрицательного познания абсолюта (поелику познание положительное считается совершенно невозможным) ничего иного — ежели соблюдаются законы следствия — произойти не может, кроме прискорбного и опасного скептицизма, заволакивающего все сферы бытия как бы непроницаемой тьмою.

Нет никакого сомнения, что сей способ философствования лишен всякого подлинного духа науки. Философия столь мало может состоять в познании совершенного неведения того, из чего образуется мироздание, что сие утверждение скорее есть гибель и смерть всякой философии.

Человек отнюдь не для того предназначен, чтобы лишь спу-

стя долгое время и запутавшись в ошибках, познать, что ничего познать не может; но для того, дабы с очевидностью узреть существующее в себе реально и истинно. Сего утверждения об совершенном неведении, коему подвластен человек, всяк скорее должен страшиться всею душою.

§ 14. «Но,— говорят кантианцы,— пусть мы и не можем познать того, что в себе есть реально и истинно, однако ж нам присуща способность познавать явления как реальности, единственно возможные».

Но сие утверждение нелепо. Ведь явления мы при том только едином условии как нечто реальное познавать можем, ежели положительно познаем природу самого абсолюта. Ибо всякое явление, могущее быть помышленным, представляется в форме противоположности. Всякое явление, отдельное и частное, есть только некоторый определенный синтез объективности и субъективности. Частные противоположности, выступающие здесь на свет, сосуществуют взаимно как частные особенности синтеза, взятого в целом, так что определенная объективность прилежит определенной субъективности, и наоборот. Без познания взаимной связи, коей равно обнимаются, противоположности неизбежно видятся абсолютными, а через то друг друга взаимно устраняют. Ведь ежели утверждается, что конечные противоположности, и самые всеобщие, как-то, субъективность и объективность вообще, не могут быть совмещены, то равно никак не может статься, чтобы совместились противоположности, зримые в частных сферах бытия. Без посредствующего члена первичные противоположности совершенно себе противоречат, а стало быть, и противоположности производные, каковы частным образом определенные явления. А что себе противоречит, есть ничто. Тем самым частные явления равным образом суть ничто, как и данный в рефлексии синтез объективности и субъективности, в целом взятой. Истинное познание какой-либо вещи тогда только у нас рождается, когда мы познали посредствующий член, коим совокуплены известные противоположности. Но все, что ни существует, является в форме противоположности. Тут уж и ясно, что нельзя помыслить никакого познания частных явлений, ежели противоположности, кои вообще в понятии бытия имеют место, совмещены быть не могут.

Познание, коим первичные противоположности приводятся к гармонии, доставляет положительное знание абсолюта. Но ежели оное не может иметь места, то по какому праву можно утверждать, что возможно познание явлений в частных и единичных сферах бытия? Итак, либо следует утверждать, что совершенно невозможно никакое познание и всякая наша уверенность в познаниях — идет ли речь о явлениях или об абсолюте — есть в себе не что иное, как совершенное *невежество*; либо же следует допустить возможность и реальность познания

того, что в себе есть истинно, ибо иначе и познания явлений помыслить невозможно. Философия, стало быть, не есть чисто отрицательное познание абсолюта, с коим утверждается положительное познание явлений, ибо утверждение, что возможно только отрицательное познание абсолюта, неизбежно также погубляет положительное познание явлений. Ежели принять сие утверждение, то всякий объект возможно определить только отрицательно, то есть, как такой, который реально не существует и существовать не может. А в сем случае через рефлексию мы узреваем не что иное, как противоположности без посредствующего члена, то есть, только то, что себе противоречит, а посему существовать не может.

Ум человеческий неизбежно колеблется меж противоположностями, ежели когда-нибудь не узнает, которую из противоположностей надобно считать обманчивым видением или ложной формой, а которой приписать реальность. Ибо совершенные противоположности, ежели не совокуплены никаким посредствующим термином, не могут разом быть допущены, ибо иначе упраздняется само явление, о существовании коего свидетельствует сам опыт.

Кто же, в самом деле, может назвать подобное ненадежное блуждание ума человеческого меж противоположностями познанием в собственном смысле?

ЗАЩИЩАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Логика есть теория рассудка.
2. Метафизика есть теория разума.
3. Имеется два способа мышления.
4. Кантовское выведение категорий порочно.
5. Разум теоретический и практический в себе есть одно и то же.
6. Реальность божественного существа не только требуется практическим разумом, но явно может быть доказана также и разумом теоретическим.
7. Свобода ума человеческого несомненна.
8. Бессмертие душ равно несомненно.

Публикация З. А. Каменского.

Перевод с лат. А. А. Столярова.